

Чарлз

ДИККЕНС

Чарлз
ДИККЕНС

**Тяжелые
времена**

Издательство АСТ
Москва

КНИГА ПЕРВАЯ

СЕВ

Глава I

ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ

— Итак, я требую фактов. Учите этих мальчиков и девочек только фактам. В жизни требуются одни факты. Не насаждайте ничего иного и все иное вырывайте с корнем. Ум мыслящего животного можно образовать только при помощи фактов, ничто иное не приносит ему пользы. Вот теория, по которой я воспитываю своих детей. Вот теория, по которой я воспитываю и этих детей. Держитесь фактов, сэр!

Действие происходило в похожем на склеп уютном, холодном классе с голыми стенами, а оратор для пушей внушительности подчеркивал каждое свое изречение, проводя квадратным пальцем по рукаву учителя. Не менее внушительен, нежели слова оратора, был его квадратный лоб, поднимавшийся отвесной стеной над фундаментом бровей, а под его сенью, в темных просторных подвалах, точно в пещерах, с удобством расположились глаза. Внушительен был и рот оратора — большой, тонкогубый и жесткий; и голос оратора —

твердый, сухой и властный; внушительна была и его лысина, по краям которой волосы шетинились, словно елочки, посаженные для защиты от ветра ее глянцеви-той поверхности, усеянной шишками, точно корка сладкого пирога, — как будто запас бесспорных фактов уже не умещался в черепной коробке. Непреклонная осанка, квадратный сюртук, квадратные ноги, квадратные плечи — да что там! — даже туго завязанный галстук, крепко державший оратора за горло как самый очевидный и неопровержимый факт, — все в нем было внушительно.

— В этой жизни, сэр, нам требуются факты, одни только факты!

Все трое взрослых — оратор, учитель и третье присутствующее при сем лицо — отступили на шаг и окинули взором расположенные чинными рядами по наклонной плоскости маленькие сосуды, готовые принять галлоны фактов, которыми надлежало наполнить их до краев.

Глава II

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Томас Грэдграйнд, сэр. Человек трезвого ума. Человек очевидных фактов и точных расчетов. Человек, который исходит из правила, что дважды два — четыре, и ни на йоту больше, и никогда не согласится, что может быть иначе, лучше и не пытайтесь убеждать его.

Томас Грэдграйнд, сэр — именно Томас — Томас Грэдграйнд. Вооруженный линейкой и весами, с таблицей умножения в кармане, он всегда готов взвесить и измерить любой образчик человеческой природы и безошибочно определить, чему он равняется. Это всего-навсего подсчет цифр, сэр, чистая арифметика. Вы можете тешить себя надеждой, что вам удастся вбить какие-то другие, вздорные понятия в голову Джорджа Грэдграйнда, или Огастеса Грэдграйнда, или Джона Грэдграйнда, или Джозефа Грэдграйнда (лица воображаемые, несуществующие), но только не в голову Томаса Грэдграйнда, о нет, сэр!

Такими словами мистер Грэдграйнд имел обыкновение мысленно рекомендовать себя узкому кругу знакомых, а также и широкой публике. И, несомненно, такими же словами — заменив обращение «сэр» обращением «ученики и ученицы», — Томас Грэдграйнд мысленно представил Томаса Грэдграйнда сидевшим перед ним сосудикам, куда надо было влить как можно больше фактов.

Он стоял, грозно сверкая на них укрывшимися в пещерах глазами, словно до самого жерла начиненная фактами пушка, готовая одним выстрелом выбить их из пределов детства. Или гальванический прибор, заряженный бездушной механической силой, долженствующей заменить развеянное в прах нежное детское воображение.

— Ученица номер двадцать, — сказал мистер Грэдграйнд, тыча квадратным пальцем в одну из школьниц. — Я этой девочки не знаю. Кто эта девочка?

— Сесси Джуп, сэр, — отвечала, вся красная от смущения, ученица номер двадцать, вскочив на ноги и приседа.

— Сесси? Такого имени нет, — сказал мистер Грэдграйнд. — Не называй себя Сесси. Называй себя Сесилия.

— Мой папа зовет меня Сесси, сэр, — дрожащим голосом отвечала девочка и еще раз присела.

— Напрасно он так называет тебя, — сказал мистер Грэдграйнд. — Скажи ему, чтобы он этого не делал. Сесилия Джуп. Постой-ка. Кто твой отец?

— Он из цирка, сэр.

Мистер Грэдграйнд нахмурился и повел рукой, отмахиваясь от столь предосудительного ремесла.

— Об этом мы здесь ничего знать не хотим. И никогда не говори этого здесь. Твой отец, верно, объезжает лошадей? Да?

— Да, сэр. Когда удастся достать лошадей, их объезжают на арене, сэр.

— Никогда не поминай здесь про арену. Так вот, называй своего отца берейтором. Он, должно быть, лечит больных лошадей?

— Конечно, сэр.

— Отлично, стало быть, твой отец коновал — то есть ветеринар — и берейтор. А теперь определи, что есть лошадь?

(Сесси Джуп, насмерть перепуганная этим вопросом, молчала.)

— Ученица номер двадцать не знает, что такое лошадь! — объявил мистер Грэдграйнд, обращаясь ко всем

сосудикам. — Ученица номер двадцать не располагает никакими фактами относительно одного из самых обыкновенных животных! Послушаем, что знают о лошади ученики. Битцер, скажи ты.

Квадратный палец, двигаясь взад и вперед, вдруг остановился на Битцере, быть может только потому, что мальчик оказался на пути того солнечного луча, который, ворвавшись в ничем не занавешенное окно густо выбеленной комнаты, упал на Сесси. Ибо наклонная плоскость была разделена на две половины: по одну сторону узкого прохода, ближе к окнам, помещались девочки, по другую — мальчики; и луч солнца, одним концом задев Сесси, сидевшую крайней в своем ряду, другим концом осветил Битцера, занимавшего крайнее место на несколько рядов впереди Сесси. Но черные глаза и черные волосы девочки заблестели еще ярче в солнечном свете, а белесые глаза и белесые волосы мальчика, под действием того же луча, казалось, утратили последние следы красок, отпущенных ему природой. Пустые, бесцветные глаза мальчика были бы едва приметны на его лице, если бы не окаймлявшая их короткая щетина ресниц более темного оттенка. Коротко остриженные волосы ничуть по цвету не отличались от желтоватых веснушек, покрывавших его лоб и щеки. А болезненно бледная кожа, без малейших следов естественного румянца, невольно наводила на мысль, что если бы он порезался, потекла бы не красная, а белая кровь.

— Битцер, — сказал Томас Грэдграйнд, — объясни, что есть лошадь.

— Четвероногое. Травоядное. Зубов сорок, а именно: двадцать четыре коренных, четыре глазных и двенадцать резцов. Линяет весной; в болотистой местности меняет и копыта. Копыта твердые, но требуют железных подков. Возраст узнается по зубам. — Все это (и еще многое другое) Битцер выпалил одним духом.

— Ученица номер двадцать, — сказал мистер Грэдграйд, — теперь ты знаешь, что есть лошадь.

Сесси снова присела и вспыхнула бы еще ярче, будь это возможно, — лицо ее и так уже пылало. Битцер, моргнув в сторону Томаса Грэдграйда обоими глазами зараз, отчего ресницы его затрепетали на солнце, словно усики суетливых букашек, стукнул себя костяшками пальцев по веснушчатому лбу и сел на место.

Вперед вышел третий джентльмен: великий мастер непродуманных решений, правительственный чиновник с повадками кулачного бойца, всегда начеку, всегда готовый насильно пропихнуть в общественное горло — словно огромную пилюлю, содержащую изрядную дозу яда, — очередной дерзновенный прожект; всегда во всеоружии, громогласно бросающий вызов всей Англии из своей маленькой канцелярии. Выражаясь по-боксерски, он всегда был в превосходной форме, где бы и когда бы он ни вышел на ринг, и не гнушался запрещенных приемов. Он злобно накидывался на все, что ему противодействовало, бил сначала правой, потом левой, парировал удары, наносил встречные, прижимал противника (всю Англию!) к канатам и уверенно сбивал его с ног. Он так ловко опрокидывал здравый смысл, что тот падал замертво и уже не мог подняться вовремя. На этого джентль-

мена высочайшей властью была возложена миссия — ускорить пришествие тысячелетнего царства, когда из своей всеобъемлющей канцелярии миром будут править чиновники.

— Отлично, — сказал джентльмен, скрестив руки на груди и одобрительно улыбаясь. — Вот что есть лошадь. А теперь, дети, ответьте мне на вопрос: стал бы кто-нибудь из вас оклеивать комнату изображениями лошади?

После непродолжительного молчания одна половина хором закричала «да, сэр!». Но другая половина, догадавшись по лицу джентльмена, что «да» — неверно, по обычаю всех школьников дружно крикнула «нет, сэр!».

— Конечно, нет. А почему?

Молчание. Наконец один толстый медлительный мальчик, видимо страдающий одышкой, дерзнул ответить, что он вообще не стал бы оклеивать стены обоями, а выкрасил бы их.

— Но ты должен оклеить их, — строго сказал джентльмен.

— Ты должен оклеить их, — подтвердил Томас Грэдграйнд, — нравится тебе это или нет. И не говори, что ты не стал бы оклеивать комнату. Это еще что за новости?

— Придется мне объяснить вам, — сказал джентльмен после еще одной длительной и тягостной паузы, — почему вы не стали бы оклеивать комнату изображениями лошади. Вы когда-нибудь видели, чтобы лошади шагали вверх и вниз по стене? Известен вам такой факт? Ну?

— Да, сэр! — закричали одни. — Нет, сэр! — закричали другие.

— Разумеется, нет, — сказал джентльмен, бросив негодующий взгляд на тех, кто кричал «да». — И вы никогда не должны видеть то, чего не видите на самом деле, и вы никогда не должны думать о том, чего у вас на самом деле нет. Так называемый вкус — это всего-навсего признание факта.

Томас Грэдграйнд выразил свое полное согласие кивком головы.

— Это новый принцип, великое открытие, — продолжал джентльмен. — Теперь я вам задам еще один вопрос. Допустим, вы захотели разостлать в своей комнате ковер. Стал бы кто-нибудь из вас класть ковер, на котором изображены цветы?

К этому времени весь класс уже твердо уверовал в то, что на вопросы джентльмена всегда нужно давать отрицательные ответы, и дружное «нет» прозвучало громко и стройно. Только несколько голосов робко, с опозданием, ответило «да», — среди них голос Сесси Джуп.

— Ученица номер двадцать, — произнес джентльмен, снисходительно улыбаясь с высоты своей непрекращаемой мудрости.

Сесси встала, пунцовая от смущения.

— Итак, ты бы застелила пол в своей комнате или в комнате твоего мужа — если бы ты была взрослая женщина и у тебя был бы муж — изображениями цветов? — спросил джентльмен. — А почему ты бы это сделала?

— Потому, сэр, что я очень люблю цветы, — отвечала девочка.

— И ты поставила бы на них столы и стулья и позволила бы топтать их тяжелыми башмаками?

— Простите, сэ,р, но это не повредило бы им. Они бы не сломались и не завяли, сэ,р. Но они напоминали бы о том, что очень красиво и мило, и я бы воображала...

— Вот именно, именно! — воскликнул джентльмен, очень довольный, что так легко достиг своей цели. — Как раз воображать-то и не надо. В этом вся суть! Никогда не пытайся воображать.

— Смотри, Сесилия Джуп, — нахмурившись, проговорил Томас Грэдграинд, — чтобы этого больше не было.

— Факты, факты и факты! — сказал джентльмен.

— Факты, факты и факты, — как эхо откликнулся Томас Грэдграинд.

— Вы должны всегда и во всем руководствоваться фактами и подчиняться фактам, — продолжал джентльмен. — Мы надеемся в недалеком будущем учредить министерство фактов, где фактами будут ведать чиновники, и тогда мы заставим народ быть народом фактов, и только фактов. Забудьте самое слово «воображение». Оно вам ни к чему. Все предметы обихода или убранства, которыми вы пользуетесь, должны строго соответствовать фактам. Вы не топчете настоящие цветы — стало быть, нельзя топтать цветы, вытканые на ковре. Заморские птицы и бабочки не садятся на вашу посуду — стало быть, не следует расписывать ее заморскими цветами и бабочками. Так не бывает, чтобы четвероногие ходили вверх и вниз по стенам комнаты, — стало быть, не нужно оклеивать стены изображениями четвероногих. Вместо всего этого, — заключил джентльмен, — вы должны пользоваться сочетаниями и видоизменениями (в основных цветах спектра) геометрических фигур, нагляд-

ных и доказуемых. Это и есть новейшее великое открытие. Это и есть признание факта. Это и есть вкус.

Сесси опять присела и опустила на свое место. Она была еще очень молода, и, видимо, картина будущего царства фактов не на шутку пугала ее.

— А теперь, мистер Грэдграинд, — сказал джентльмен, — если мистер Чадомор готов преподать свой первый урок, я рад буду исполнить вашу просьбу и ознакомиться с его методой.

Мистер Грэдграинд изъявил свою глубочайшую признательность.

— Мистер Чадомор, прошу вас.

Итак, урок начался, и мистер Чадомор показал себя наилучшей стороны. Он был из тех школьных учителей, которых в количестве ста сорока штук недавно изготовили в одно и то же время, на одной и той же фабрике, по одному и тому же образцу, точно партию ножек для фортепьяно. Его прогнали через несметное множество экзаменов, и он ответил на бесчисленные головоломные вопросы. Орфографию, этимологию, синтаксис и просодию *, астрономию, географию и общую космографию, тройное правило, алгебру и геодезию, пение и рисование с натуры — все это он знал как свои пять холодных пальцев. Путь его был тернист, но он достиг списка Б, утвержденного Тайным советом ее величества, и приобщился к высшей математике и физическим наукам, усвоил французский язык, немецкий, греческий и латынь. Он знал все о всех водоразделах мира (сколько бы их ни было), знал историю всех народов, названия всех рек и

* Просодия — здесь: раздел стихотворения.

гор, нравы и обычаи всех стран и что в какой производят, границы каждой из них и положение относительно тридцати двух румбов компаса. Не многовато ли, мистер Чадомор? Ах, если бы он чуть поменьше знал, насколько лучше он мог бы научить неизмеримо большему!

На этом первом вводном уроке он поступил по примеру Морджаны из сказки про Али-Бабу и сорок разбойников — а именно, начал с того, что заглянул по очереди во все кувшины, выставленные перед ним, дабы ознакомиться с их содержимым. Скажи по совести, милейший Чадомор: уверен ли ты, что всякий раз, когда ты до краев наполнишь сосуд кипящей смесью своих знаний, притаившийся на дне разбойник — детское воображение — будет сразу умерщвлен? Или может случиться, что ты только искалечишь и изуродуешь его?

Глава III

ЩЕЛКА

Мистер Грэдграйнд отправился из школы домой в превосходном расположении духа. Это его школа, и он сделает ее образцовой. Каждый ребенок в этой школе будет таким же образцовым ребенком, как юные отпрыски самого мистера Грэдграйнда.

Юных отпрысков было пятеро, и все они до единого могли служить образцами. Просвещать их начали с самого нежного возраста; гоняли точно молодых зайцев. Едва они научились ходить без посторонней помощи, как